

В детской фантазии Леонардо реальным содержанием воспоминания является элемент коршуна; значение, которое придавал сам Леонардо этой фантазии, подчеркивает важность ее для понимания его последующей жизни. При дальнейшем толковании мы сталкиваемся со странной проблемой: почему содержание этого воспоминания было переработано в гомосексуальную ситуацию? Мать, кормящая грудью ребенка — или, лучше, грудь которой сосет младенец, — превращена в птицу коршуна, который всовывает свой хвост в рот ребенку. Мы утверждаем, что слово „хвост" по общеупотребительному языковому замещению может означать мужской половой орган. Но нам непонятно, как может фантазия наделить знаком мужественности „материнскую" птицу. Не абсурдно ли это, возможно ли найти в этой фантазии какой-нибудь смысл?

Не будем заранее досадовать. Сколько снов, казавшихся полной бессмыслицей, мы сумели разгадать. Неужели детская фантазия сложнее и запутанней, чем сновидение? Помня, что не хорошо, если какая-нибудь странность встречается одна, мы поспешим сопоставить ее с другой, еще большей странностью.

Изображаемая с головой коршуна египетская богиня Мут — фигура с совершенно безличным характером, как поясняет Дрекслер в словаре Рошера, часто сливалась с другими божествами материнства, чья индивидуальность была ярче выражена (например, Изида Готор), но сохраняла при этом свое самостоятельное существование и свой культ. (Отличительной чертой египетского пантеона являлось то, что отдельные боги до конца не растворялись в синкретизме и входившие в составное божество образы сохраняли известную самостоятельность).

Это материнское божество египтянами обычно изображалось с фаллосом: наряду с женской грудью тело имело мужской член в состоянии эрекции.

Итак, у богини Мут то же соединение материнских и мужских черт характера, что и в фантазии Леонардо! Должны ли мы это совпадение объяснить тем, что Леонардо знал из книг также и о двуполой природе материнского коршуна? Такая возможность более чем сомнительна; вероятнее, что имевшиеся у него источники не содержали ничего об этом достопримечательном свойстве. Скорее, можно объяснить это совпадение неким общим, но еще неизвестным мотивом.

Мифология может рассказать, что соединение мужских и женских половых признаков встречалось не только у Мут, но и у других божеств (Изида Го тор), однако, может быть, лишь постольку, поскольку, они тоже имели материнскую природу и сливались с Мут. Мифология учит нас далее, что другое божество египтян — Нейт из Саиса — к которой восходит греческая Афина, первоначально представлялась двуполой, гермафродитической; то же относится и ко многим другим греческим богам, особенно из группы Диониса, а также к Афродите, превращенной позже в женскую богиню любви. Поэтому можно было бы объяснить, что приставленный к женскому телу фаллос должен был символизировать творческую силу природы, и все эти гермафродитические божества выражают идею соединения мужского и женского начал как воплощения поистине божественного совершенства.

Но ни одно из этих соображений не дает ответа на психологическую загадку: почему образу, который должен олицетворять сущность матери, человеческая фантазия придает противоположный признак мужской силы?

Разгадкой служат теории инфантильной сексуальности. Было, без сомнения, время, когда мужской член связывался с представлением о матери. Когда мальчик вначале направляет свою любознательность на половую жизнь, его интерес сосредотачивается на собственном половом органе. Он считает эту часть своего тела слишком ценной и важной, чтобы предположить, что ее может не быть у других людей, таких же, как он. Он не может догадаться, что есть еще другой равноценный тип полового устройства. Поэтому он приходит к предположению, что все люди, и мужчины, и женщины, имеют такой же член, как у него. Этот предрассудок так прочно укореняется в юном исследователе, что не преодолевается даже наблюдением половых органов маленьких девочек. Очевидность говорит ему, что здесь во всяком случае нечто другое, чем у него, но он не в состоянии примириться с открытием, что у девочек нет члена. -Представление о том, что член! может отсутствовать, для него страшно и невыносимо, он принимает поэтому компромиссное решение: член есть и у девочек, но очень маленький; потом он еще вырастет. Если при дальнейшем наблюдении он видит, что это ожидание не исполняется, ему представляется еще другая возможность: член был и у маленьких девочек, но его отрезали, а на его месте осталась рана. Этот шаг в теории основывается уже на собственном мучительном опыте; он не раз слышал угрозу, что ему отрежут драгоценный орган, если он будет слишком им интересоваться. Под влиянием угрозы кастрации он перетолковывает свое понимание женских половых органов; с этого времени он ощущает страх за сохранение своего мужского пола и презирает при этом несчастные создания, которых, по его понятиям, постигло ужасное наказание. Раньше, чем ребенок подпал под власть кастрационного комплекса, когда он женщину считал еще равной себе, в нем начало проявляться сильное стремление подсматривать, носящее характер эротической страсти. Ему хотелось видеть половые органы других людей, вначале, вероятно, чтобы сравнить их со своими собственными. Эротическая привлекательность, которая исходила от личности матери, превратилась вскоре в неудержимое стремление к ее половому органу, принимаемому за половой член. Позже, с приобретением знания, что у женщины нет полового члена, это стремление часто переходит в свою противоположность — отвращение, которое к наступлению половой зрелости может стать причиной психической импотенции, женоненавистничества, длительной гомосексуальности. Но фиксирование бывшего когда-то предметом желания полового члена женщины оставляет неизгладимые черты в душевной жизни ребенка, проделавшего с особым старанием эту часть инфантильного сексуального исследования. Обожание и превращение в фетиш женской ножки и туфельки основано на том, что ножка заменяет образ когда-то обожаемого, но потом оказавшегося несуществующим полового члена женщины. Отрезатели кос играют, не сознавая того, роль людей, которые производят кастрацию женских половых органов. Значение инфантильной сексуальности недооценивается, и эти рассуждения, видимо, будут считаться ошибочными, пока мы не избавимся от присущего нашей культуре презрения к половым органам и половой функции.

Для понимания детской психологии надо обратиться к аналогии с первобытными людьми. Из поколения в поколение нам передается отношение к половым органам как к чему-то постыдному, а при дальнейшем распространении сексуального вытеснения — даже отвратительному. С отвращением покоряется большинство ныне живущих велениям инстинкта продолжения рода, чувствуя себя при этом униженными и оскорбленными в своем человеческом достоинстве. Другое отношение к половой жизни

осталось только в низших слоях народа, у высших же оно прячется, осужденное культурой, а если осмеливается действовать, испытывает злые упреки нечистой совести.

Иначе было у человечества в начале истории. Старательно собранные исследователями прежних цивилизаций данные показывают, что половые органы были некогда предметом гордости и уверенности; их почитали как божество, и божественность их функций переносилась на все вновь возникавшие отрасли деятельности. Бесчисленные образы богов рождались путем сублимирования сексуальности, и когда официальная религия утратила связь со сферой пола, тайные культы старались сохранить ее в узком круге посвященных. Наконец, в ходе развития культуры сексуальность была лишена почти всего божественного и священного, а то жалкое, что осталось, стало объектом презрения. Но если учесть невозможность полного забвения, обусловленную самой природой всех психических явлений, не следует удивляться тому, что даже самые примитивные формы поклонения детородным органам наблюдаются до самого последнего времени и речь, обычаи и суеверия современного человечества содержат пережитки всех фаз этого развития.

Близкие аналогии с биологическими явлениями подготовили нас к представлению о том, что духовное развитие индивидуума в сокращенном виде повторяет весь ход развития человечества, и поэтому мы не найдем невероятными те открытия, которые психоаналитическое исследование детской души делает на основе инфантильной оценки половых органов. Детское предположение о существовании полового члена у матери и есть тот общий источник, из которого исходит двуполое

изображение материнских божеств (египетская Мут и „хвост коршуна в детской фантазии Леонардо). Мы только по недоразумению называем эти изображения богов гермафродитическими в медицинском смысле слова, ведь на самом деле ни одно из них не соединяет детородные органы обоих полов, как бывает в некоторых случаях отвратительного уродства. Они только присоединяют к грудным железам — знаку материнства мужской орган, как это присуще первым представлениям ребенка.

Мифология возвела это достойное уважения, еще в древности сфантазированное устройство тела матери в предмет верования. Хвост коршуна в фантазии Леонардо мы можем истолковать таким образом: „...в то время, когда мое младенческое любопытство обратилось на мать, я ей приписывал наличие полового органа, как у меня". Это есть дальнейшее подтверждение раннего сексуального исследования Леонардо, которое, по нашему мнению, оказало решающее влияние на всю его последующую жизнь.

Краткое размышление вынуждает нас теперь не ограничиваться объяснением того, что означает „хвост" коршуна в детской фантазии Леонардо. Кажется в ней содержится еще кое-что, в чем мы еще не разобрались. Самой удивительной чертой этой фантазии является то, что она превратила сосание материнской груди в пассивный акт, т. е. в ситуацию несомненно гомосексуального характера. Предположение, что Леонардо вел себя в жизни как гомосексуально чувствующий, ставит перед нами вопрос, не указывает ли эта фантазия на давнишнюю связь между детским отношением Леонардо к своей матери и его позднейшей явной, хотя и идеальной, гомосексуальностью? Мы бы не решились сделать такое заключение, исходя из реминисценции Леонардо, если бы не знали по психоаналитическим исследованиям гомосексуальных пациентов, что такая

связь существует и даже что эта связь очень тесная и имеет глубокие корни.

Гомосексуальные мужчины, которые в наше время предпринимают энергичные усилия против законодательного ограничения их половой деятельности, обычно заявляют о себе устами ^ своих теоретиков, как об изначально обособленной половой группе, промежуточной половой ступени, как о „третьем поле". Они, дескать, органически, с рождения лишены влечения к женщине, и потому их привлекают только мужчины. Во имя гуманности следовало бы поддержать требования гомосексуалистов, однако их теоретические изыскания, игнорирующие психические истоки этого отклонения, весьма сомнительны и не выдерживают испытания психоанализом. Правда до сих пор нашему исследованию подвергался довольно узкий

круг пациентов, но результаты каждый раз были одинаковыми: несколько неожиданными. Во всех случаях обнаруживалось, что в раннем детстве имело место сильное, хоть и забытое впоследствии, эротическое влечение к лицу женского пола (как правило, к матери). Это влечение было порождено или подогрето излишней нежностью самой матери, а усиливалось тем, что отец в жизни ребенка занимал не слишком большое место. Саджер указывает, что матери пациентов-гомосексуалистов часто были женщинами мужеподобного типа, очень властными. Они оттесняли отцов с их законного места в семейной иерархии. В нашей практике наблюдалось то же самое, но большее значение мы придаем тем случаям, когда отца не было с самого начала или же он рано исчезал, так что мальчик находился полностью под влиянием матери. Складывается впечатление, словно властность отца обеспечивает сыну правильный выбор сексуального объекта: лица другого пола.

После предварительной стадии происходит превращение, механизм которого нам известен, но побудительных мотивов мы еще не касались. Влечение к матери подавляется, вытесняясь из сознания. И вот мальчик преодолевает это влечение, ставя самого себя на место матери, отождествляет себя с ней и себя принимает за образец, избирая объектом любви только похожих на себя. Таким образом он стал гомосексуальным; в сущности, он возвратился к автоэротизму, потому что мальчики, которых теперь любит взрослый, остаются не более чем заместителями и повторениями его самого, каким он был в детстве. Он любит так, как мать любит его самого, когда он был ребенком. Можно сказать, он находит свои предметы любви путем нарциссизма, (в греческом мифе Нарциссам звали юношу, влюбившегося в собственное изображение и превратившегося в прекрасный цветок, носящий это имя).

Более глубокие психологические соображения оправдывают утверждение, что мужчина, ставший таким путем гомосексуальным, подсознательно остается прикованным к образу матери. Вытесняя любовь в своем подсознании и сохраняет ей верность. Кажется, что он устремляется к мальчикам. Но на самом деле он бежит от женщин, чтобы не впасть в измену матери.

Мы беремся доказать, что гомосексуалист, вождеющий якобы только к мужчинам, в действительности подпадает, как всякий нормальный мужчина, под власть соблазна, исходящего от женщин. Разница заключается в том, что он каждый раз стремится перенести возбужденное женщиной влечение на мужской объект. Таким образом он вновь и вновь повторяет тот путь, который и привел его к гомосексуальности.

Мы далеки от того, чтобы преувеличивать значение вскрытых нами психических истоков гомосексуальности. Дело не в том, что наше исследование прямо противоречит официальным теориям гомосексуальности. Мы знаем, что это исследование

недостаточно универсально, чтобы претендовать на окончательное решение проблемы. То, что на практике называется гомосексуальностью, может быть, проистекает из множества психосексуальных факторов. Проанализированный нами процесс, видимо, лишь один из возможных и соответствует только одному типу гомосексуальности. Следует добавить, что для данного гомосексуального типа случаи, когда налицо все выдвинутые нами условия, значительно уступают количеству случаев, когда те же следствия являются результатом (этого мы не отрицаем) воздействия неизвестных физиологических факторов, которыми другие ученые объясняют всю природу гомосексуальности. У нас вообще не было бы причины касаться психического генезиса данной формы гомосексуальности, если бы не убедительная гипотеза о том, что Леонардо .фантазия которого о коршуне послужила нам исходной точкой, принадлежал именно к этому типу гомосексуалистов.

Как ни мало известно о половой жизни великого художника и исследователя, приходится все-таки поверить свидетельствам современников. В этих преданиях он предстает перед нами человеком с пониженной половой потребностью и активностью. словно более высокие стремления подняли его над присущим всему мужскому роду инстинктом.

Оставим в стороне вопрос, искал ли Леонардо когда-нибудь и каким способом непосредственного полового удовлетворения; мог ли он совсем обходиться без него. Но мы и у него предположим те же стремления, что других толкают к сексуальному действию, ибо мы не можем себе представить, чтобы в душевной жизни человека не было места сексуальности в широком смысле слова — либидо, пусть далеко отклонившегося от своей первоначальной цели или нарочно сдерживаемого от своего удовлетворения.

Мы не вправе ожидать от Леонардо чего-то большего, чем остатки несублимированного сексуального влечения. Эти же следы по своей направленности и дают основания причислить его к гомосексуальным. Как уже указывалось, он брал себе в ученики только очень красивых мальчиков и юношей, был к ним добр и снисходителен, заботился о них, сам ухаживал за ними, когда они болели, как мать ухаживает за своими детьми и как его собственная мать могла бы ухаживать за ним. Так как он выбрал их за красоту, а не за талант, ни один из них — ни Чезаре да Сесто и Бельтраффио, ни Андреа Салаино и Франческо Мельци — не стал крупным художником. Большинству из них не удалось приобрести собственное, независимое от их учителя значение. Они исчезли после его смерти, не заняв самостоятельного места в истории искусства. Те же, кого можно было бы с полным правом назвать учениками Леонардо в плане творчества, например Люини и Бацци по прозвищу Содомы, вероятно, не были знакомы с ним лично.

Нам могут возразить, что отношения Леонардо с его учениками не имеют ничего общего с половыми мотивами и не позволяют сделать выводы о его половых особенностях. Но наша концепция, по крайней мере, объясняет некоторые странные черты в поведении художника, которые иначе так и остались бы загадочными.

Леонардо вел дневник; мелким почерком, справа налево он заносил записи для себя одного. В этом дневнике он, как ни странно, обращается к себе во втором лице: „Узнай у маэстро Луки способ умножения корней... Пусть маэстро д'Аббако покажет тебе

квадратуру круга". Или: „Я еду по делам садоводства в Милан... Вели сделать две дорожные сумки. Вели показать тебе токарный станок Бельтраффио и обработать на нем камень. Оставь книгу для маэстро Андреа Тедеско". Или намерение совсем иного рода: „Ты должен показать в твоём сочинении, что Земля есть звезда, как Луна или нечто в этом роде, и таким образом доказать благородное происхождение нашего мира". В этом дневнике (впрочем, как и в дневниках простых смертных) самые значительные события часто только коротко упоминаются или совсем не фигурируют. Есть, однако, необычная подробность, которую отмечали все биографы Леонардо. Это записи о мелких расходах, педантически точные, сделанные словно бы не художником, а аккуратным обывателем, скупым хозяином. При этом в других случаях не ведется счет большим расходам, и вообще ничто не указывает на то, чтобы Леонардо вникал в бытовые мелочи. Одна из таких заметок относится и новому плащу, купленному для ученика Андреа Салаино:

„Серебряная парча — 15 лир 4 сольди
красный бархат для отделки — 9 лир 4 сольди
шнуры — 0 лир 9 сольди
пуговицы - 0 лир 12 сольди".

Следующая, также очень подробная запись содержит сведения обо всех расходах, в которые ввел его другой ученик из-за своей порочности и склонности к воровству: „21 апреля 1490 года начал я эту тетрадь, и начал опять коня (имеется в виду статуя всадника Франческо Сфорца). Джакомо поступил ко мне в день св. Магдалины 1490 года, десяти лет (отметка на полях: „вороват, лжив, упрям, хитер"). На другой день я велел для него отрезать ткани на две рубахи, штаны и камзол, и когда я отложил деньги, чтобы заплатить за эти вещи, он украл у меня деньги из кошелька, и никак невозможно было заставить его сознаться, хотя я был в этом совершенно уверен (отметка на полях: „четыре лиры...")"

В том же роде перечисляются другие проступки мальчишки и подводится итог: „В первый год: плащ, 2 лиры; 6 рубах, 4 лиры; 3 камзола, 6 лир; 4 пары чулок, 7 лир" и т. д. Биографы Леонардо, которым не приходило в голову разгадать таинства душевной жизни их героя, используя свидетельства о его мелких недостатках и чудачествах, пытаются с помощью этих странных подсчетов показать снисходительность и заботливое отношение маэстро к своим ученикам. Они забывают, однако, что не поведение Леонардо требует разъяснения, но тот факт, что он вел эти записи. Невозможно заподозрить его в желании запечатлеть свою доброту. Поэтому следует предположить другой мотив, побуждавший его делать эти заметки. Какой именно? Трудная задача! Мы не были бы в состоянии построить гипотезу, если бы эти странные мелочные счета на платья учеников не разъяснились бы другим найденным в бумагах Леонардо счетом:

„Расходы на похороны Катерины — 27 флоринов
2 фунта воска — 18 флор.
катафалк — 12 флор.
за вынос тела и установку креста — 4 флор.
4 священникам и 4 служкам — 20 флор.
колокольный звон — 2 флор.
могильщикам — 16 флор.
за разрешение, властям — 1 флор.

Итого — 108 флор.

Прежние расходы:

доктору — 4 флор.

сахар и 12 свечей — 12 флор.

Итого — 16 флор.

Всего — 124 флор."

Лишь писатель Мережковский проливает свет на то, кем была эта Катерина. На основе двух других заметок он строит догадку, что мать Леонардо, бедная крестьянка из Винчи, приехала в 1493 году в Милан навестить своего 41-летнего сына, но заболела, была помещена Леонардо в больницу, затем похоронена им с такой пышностью.

Эта версия романиста-психолога, конечно, не доказательство, но она так внутренне правдоподобна, так соответствует всему, что мы уже знаем об эмоциональных проявлениях у Леонардо, что я не могу не согласиться с ней.

Леонардо умел подчинить свои страсти разуму, держать их в узде. Но были у него минуты, когда подавляемое стремилось вырваться наружу. Одним из таких моментов стала смерть когда-то горячо любимой матери. Счет затрат на погребение есть искаженное проявление горя по матери. Нормальной психике такая деформация несвойственна. Но при неврозах и особенно при так называемых навязчивых состояниях подобное встречается часто. Сильные, но вытесненные в подсознание чувства находят выход в незаметных и даже нелепых поступках. Проявления этих вытесненных, ослабленных страстей выглядят незначительными; но навязчивость, с которой выполняются эти мелочные действия, выдает подлинную, коренящуюся в подсознании, силу чувства, стремящегося укрыться от сознания. Это может объяснить, почему Леонардо записывал расходы на погребение матери. Подсознательно он, как и в детстве, испытывал к ней чувство, имевшее эротическую окраску. Соппротивление этому детскому влечению не допускало, чтобы в дневнике ее память была почтена более достойно. Компромиссный выход из этого невротического конфликта проявился в виде короткой записи, ставшей загадкой для потомков.

Думается, не будет слишком большой смелостью с нашей стороны применить тот же подход и к счетам затрат на учеников Леонардо. Здесь также можно было бы прибегнуть к объяснению, что у Леонардо скудные остатки чувственного влечения навязчиво стремились выйти наружу в искаженной форме. Мать и ученики — повторение его собственной детской красоты — были его сексуальными объектами (насколько это допускалось властным сексуальным вытеснением), а навязчивая потребность педантично записывать расходы на них как-то маскировала этот остаточный конфликт. Отсюда следует, что Леонардо действительно принадлежит к гомосексуальному типу, психологическое развитие которого мы пытались показать, и гомосексуальная ситуация в его фантазии о коршуне становится нам понятна, ведь она подтверждает то, что мы уже сказали об этом типе. Леонардо как бы свидетельствует: эротическое отношение к матери сделало меня гомосексуальным.